

Набросок ожерелья мисс Дженни передали шерифу, и его люди начали расследование. Но Орвицка не сдавался. Он снова пошёл расспрашивать слуг в доме. Мисс Дженни, взволнованная, выбежала из дома, и кто-то должен был это видеть.

Действительно, кто-то видел. И видел, как мисс Дженни была с той леди в синем платье. Но и только. Тот, кто видел, лишь издали присматривал за ними, ведь та леди была всего лишь худенькой молодой женщиной и, казалось, не могла причинить мисс Дженни вреда.

– Худенькая? Насколько худенькая?

– Сто шестьдесят пять, наверное? Может, и меньше.

– А конкретнее? Как она выглядела?

Это совпадало с подозреваемой по первому делу.

– Не разглядеть, слишком далеко было.

– Утешив мисс Дженни, она сразу ушла? Вы помните, в каком направлении она пошла?

– Она пошла в сторону, где собрались крестьяне, наверное, смотреть акробатов.

Орвицка получал похожие ответы. Всё внимание было приковано к мисс Дженни. Когда та женщина в синем платье была с мисс Дженни, на неё ещё смотрели, но когда они разошлись, никто больше не обращал на неё внимания. Если бы мисс Дженни сразу закричала, что та украла её ожерелье, возможно, у этой истории было бы продолжение, но этого не произошло.

Обнаружив пропажу ожерелья, Дженни, для которой этот день и так был достаточно ужасным, просто решила не искать его.

Конечно, Орвицка спросил и господина Хофорта. Тот был очень раздражён:

– Я не знаю, господин офицер. Я понял, что Дженни что-то обнаружила, только "благодаря" вашему напоминанию. В те дни, и когда случилась беда с семьёй Уинтерсен... её настроение было не в порядке.

Но в те дни я думал, что она не очень довольна партнёром, которого я для неё выбрал. А потом я подумал, что она напугана, ведь это была её первая встреча со смертью лицом к лицу.

Он старался сохранять джентльменскую вежливость, но его руки были сжаты в кулаки.

– Спасибо за сотрудничество, господин Хофорт, – Орвицка с непроницаемым лицом кивнул в знак прощания.

Допросы продолжались до пяти с лишним утра. Семья Хофоров, казалось, вот-вот взорвётся. Наконец Орвицка встал, чтобы уйти. В этот момент с облегчением вздохнул шериф. Орвицка уже сел в карету, а шерифа всё не было.

Розенберг подмигнул Орвицке:

– Как вы думаете, когда я буду публиковать статью, стоит ли мне заменять имена этих людей на "некто"?

– Я думаю, что при выходе вы, возможно, даже не сможете унести с собой свой блокнот.

- ...

Он всего лишь пошутил, а получил такой ответ.

- Наверное... нет? Спасибо за напоминание, я сделаю копию.

Как только он договорил, вернулся шериф.

Шериф сел в карету и с улыбкой кивнул им двоим. Орвицка и Розенберг не стали задавать лишних вопросов. Только когда карета тронулась, шериф заговорил.

- Сегодня вечером мы получили столько улик, это просто невероятно. Большое спасибо, - шериф с улыбкой поблагодарил его, но, хотя это и была благодарность, сейчас в его голосе не было той искренности, что вначале.

- Главное, чтобы дело было раскрыто, - улыбнулся Орвицка.

- Офицер Мондэйл, по поводу публикации объявления о вознаграждении в газете, как вы думаете, стоит ли нам ограничить пол?

- Не нужно, потому что сейчас можно лишь сказать, что искомый объект, скорее всего, женщина, но нельзя с уверенностью утверждать, что убийца тоже женщина.

- Действительно... возможно, это групповое преступление. Я немедленно дам объявление в газету. Тогда, не знаю, можем ли мы опубликовать, что вы вступили в схватку с убийцей и прогнали его?

- Я вступил в схватку с убийцей? Мы не дрались, он увидел меня и убежал.

Орвицка и сам бы хотел, но, кроме тех нелюдей из Древних, в драке он никого не боялся.

- Шериф Бассорони, я понимаю, вы хотите выпустить новость, чтобы успокоить людей. Но если это будет ложная новость, то она, наоборот, может разозлить убийцу.

Вчера можно было выпустить новость. Орвицка, не желая злить убийцу, не стал напоминать шерифу. Сегодня тот сам осознал это, но, по мнению Орвицки, ситуация кардинально не изменилась, и сейчас всё ещё не лучшее время для публикации.

- Вы правы, - кивнул шериф, но было видно, что он не удовлетворён ответом Орвицки.

Но пока он, скорее всего, не станет публиковать новость втайне после отказа Орвицки, ведь дело ещё не раскрыто, и сейчас разрыв отношений больше всего навредит ему.

Орвицка молча начал обдумывать текущее дело. Если это дело рук нескольких человек, то неудивительно, что цели у них разные. К тому же, если в банде есть женщина, это может объяснить, почему убийца всегда успешно уходит от погони. Ведь никто не заподозрит худенькую, безобидную и красивую леди.

Вернувшись в полицейский участок, Орвицка нашёл пустой кабинет и снова с головой ушёл в материалы дела, включая недавно принесённые протоколы допросов.

Первые несколько дел он вёл сам. Были свидетели, видевшие возможную подозреваемую, но никто не нанимал её. Преступники тогда просто тренировались. По мере совершения всё большего числа убийств их уверенность росла, и позже они даже начали заниматься этим как

бизнесом. В каком-то смысле это было и работой, и "развлечением".

Но это всё ещё не объясняло, как убийца узнавал, что жертвы – мужчины, предпочитающие мужчин, или изменяющие.

Орвицка закрыл дело, открыл карманные часы. Было уже одиннадцать тридцать, и никто из местных полицейских к нему не подошёл.

Шерифа тоже не было. Он, вернувшись под утро, сказал, что пойдёт отдыхать, но никто не пришёл ему на смену. Только что, увлечшись работой, Орвицка не заметил, что никого нет, а теперь понял, что его здесь просто бросили.

Когда он только приехал в участок Рыбьего Хвоста, Орвицка беспокоился о возможных проблемах на работе, но из-за своего статуса его всегда кто-то поддерживал. В целом, он жил довольно весело. Неожиданно, будучи приглашённым (наверное, это можно считать приглашением?) на работу, он столкнулся с проблемами со стороны приглашающей стороны.

– Офицер Мондэйл!

Розенберг и Танни внезапно вбежали вместе, оба с гневными лицами. Розенберг, подойдя, хлопнул по столу местной газетой "Хаарлемская заря".

– Эти ублюдки!

На первой полосе газеты, должно быть, была фотография Орвицки, но чёткость тогдашних камер и так оставляла желать лучшего. Снимок, сделанный тайком и напечатанный в газете, был ещё более размытым. В общем, узнать себя на этом мутном пятне Орвицка мог, лишь догадавшись, что на снимке именно он.

Орвицка взял газету и начал читать:

– Мы располагаем вескими доказательствами, и сам журналист Джереми Браун уже признал, что сделанная им ранее фотография оборотня является подделкой...

Треть статьи была посвящена ругани в адрес подделавшего снимок Брауна. Говорилось, что он ради славы и денег бесстыдно пошёл на подлог, его действия вызвали огромную панику в обществе и ввели в заблуждение полицию, из-за чего убийцу до сих пор не удалось поймать.

Далее следовали похвалы в адрес Орвицки, обнаружившего подделку. Говорилось, что заместитель инспектора Мондэйл, недавно женившись, приехал для помощи в расследовании, и его сопровождают двое близких ему журналистов.

Большая часть текста описывала общение Орвицки с Розенбергом и Танни. Не было использовано ни одного грубого слова, но создавалось впечатление, что между ними троими что-то есть. Орвицка приехал расследовать дело, но, судя по газете, он больше походил на человека, приехавшего отдохнуть за казённый счёт.

Кроме того, в середине статьи был вставлен отрывок о том, как прошлой ночью Орвицка преследовал убийцу. Хотя не говорилось, что они дрались, было написано: "Эта тень крысы, едва увидев офицера Мондэйла, тут же развернулась и убежала. "Трус, который смеет нападать только на слабых! Ничтожество!" – так сказал офицер Мондэйл".

– Это заранее подготовленный материал. Вероятно, когда они узнали, что убийца нападает на

геев, они связали это с ним! Этот небольшой отрывок о побеге убийцы, скорее всего, добавили в спешке, стыковка с остальным текстом немного хромает! – Розенберг с грохотом стучал по столу и ревел. – Эти люди – позор журналистики!

Танни не кричал, как Розенберг, но его лицо тоже было мрачным.

– ...

Орвицка снова пробежал глазами статью, убедившись, что имя Далиана в ней не упоминается, и пол его не указан, только фраза "недавно женился", а для большинства людей брак – это союз мужчины и женщины.

Шериф тоже знал, что такая публикация, скорее всего, разозлит убийцу, поэтому его способ – направить гнев на Орвицку. И не только гнев убийцы. С такой подачей материала и обычные граждане разозлятся на Орвицку.

Особенно если появится новая жертва, они вспомнят, что Орвицка с двумя журналистами (любовниками) развлекался, ездил на бал, и только случайно наткнулся на убийцу.

– Ничего страшного, Деннис, Джереми, не злитесь. Мы здесь, чтобы расследовать дело. Пойдёмте обедать, в тот же ресторан, куда нас вчера водил шериф. Кстати, не одолжите мне пиджак? – Орвицка снял свою форму и повесил её на спинку стула. – В этой одежде выходить на улицу, наверное, будет проблематично.

– Конечно... у тебя такой хороший характер, Орвицка.

– Я приехал в Хаарлем в том числе и для того, чтобы не допустить появления этих мстителей в Рыбьем Хвосте. Если эти люди действительно придут, они принесут вред Хаарлему, так же, как и людям в поезде. Мои собственные мотивы не совсем праведны, поэтому я не могу требовать от других абсолютной доброты. Пойдёмте, поедим.

Выходя из кабинета, полицейские снаружи опустили головы, но все трое чувствовали на себе пристальные взгляды.

Слова Орвицки действительно успокоили двух журналистов. Они спокойно вышли из участка, вызвали карету и поехали обедать.

Жареная рыба была всё так же вкусна. Без шерифа цена была немного выше, но в пределах разумного. А вот хлеб был не таким, как в прошлый раз. Орвицка откусил кусочек и отложил. Вкус и текстура были странными. У него был стальной желудок, но всё же это был желудок, а не мусорное ведро.

Журналисты, глядя на него, тоже отложили хлеб.

– Вы настоящий гурман, Орвицка, – с восхищением сказал Розенберг.

Выходя из ресторана, Орвицка вдруг увидел на этой же улице несколько знакомых фигур – тех самых уличных артистов. Без оконной рамы, ограничивающей обзор, их можно было рассмотреть получше.

Рядом с артистами стояла большая кибитка, похожая на кибитки мавров из старых фильмов, она была шире обычной кареты. Очевидно, их карета служила не только средством передвижения, но и домом. Тент был сшит из ярких лоскутов, дверь находилась не сбоку, а

сзади. С одной стороны двери висел фонарь, с другой – длинная гирлянда из всякого металлолома: гаек, гвоздей, колокольчиков, медных трубок и даже сломанных дверных ручек. Когда дул ветер, всё это звенело и бренчало.

Один из артистов попросил у торговца немного воды, подошёл к кибитке, открыл дверь, и оттуда выскочила большая собака. Она легла у принесённого артистом ведра и начала пить.

Розенберг, проследив за взглядом Орвицки, увидел уличных артистов:

– Не смотрите, что они такие несчастные, эти люди часто промышляют воровством, а некоторые даже похищением детей и женщин.

– Хм... – промычал Орвицка, уже направляясь к артистам.

Он, конечно, знал. В Содмане таких уличных артистов было ещё больше. Когда они объединялись, получался цирк. Это была типичная группа людей, вызывающих одновременно и жалость, и ненависть: с одной стороны, они были несчастными, живущими на самом дне общества, с другой – негодяями, которые обижали других таких же несчастных.

– Шериф вчера сказал, что для снятия напряжения в городе мэр нанял много уличных артистов?

– Да.

– У этих уличных артистов есть свои территории?

– В Содмане, наверняка, есть.

Орвицка достал из кармана большой айко номиналом в пятьдесят и положил его перед человеком, бросавшим деревянные шары:

– Я вчера видел вас на другой улице. Хотел было пойти туда, чтобы вас найти, а тут вы снова встретились.

– Большое спасибо за вашу любовь, господин, – тут же радостно подошёл клоун.

– Мой младший брат в карете рыдал навзрыд. Увидев ваше представление, он замолчал. Могу я пригласить вас выступить у меня дома?

– Конечно, нет проблем! – тут же возбуждённо закричали несколько артистов. Человек, который сходу даёт пятьдесят айко, точно не скупой. – Мы можем пойти с вами прямо сейчас!

– А? Я думал, вас всех нанял мэр выступать в определённых местах. Вы так легко можете пойти со мной?

– Спасибо за доброту мэра. Он действительно дал нам немного денег и разрешил выступать по всему Хаарлему, – подошла танцовщица, помахивая в руке шёлковым платком перед глазами Орвицки. – Но он не указал нам конкретных мест. К тому же, сейчас в Хаарлеме слишком много артистов, а таких щедрых джентльменов, как вы, становится всё меньше.

Орвицка примерно понял. Раньше уличные артисты работали на одном месте и, возможно, даже боролись за территорию, потому что выступать разрешалось не везде. Теперь, когда выступать можно было где угодно, прибыль артистов размылась. В результате кто-то начал бродить по городу, и, видя, где мало артистов, останавливался и выступал.

- Я видел вашу большую собаку, она тоже выступает?

- Нет, у нас никто не умеет дрессировать животных, - с сожалением ответил клоун. - Эту собаку мы держим для охраны нашего имущества.

- О... - кивнул Орвицка. - Можно погладить? У неё такая гладкая шерсть. Несколько месяцев назад у других артистов я тоже видел большую собаку, грязную, раненую, она даже хромала. Так жалко было.

Почему на ранних стадиях были укусы диких зверей, а потом они полностью исчезли? Этот вопрос тоже не давал Орвицке покоя. Непредсказуемость дикого зверя - это одно, но Орвицка подозревал, что зверь был ранен. Конечно, если не найдётся подходящий объект, он может сменить версию.

Клоун тут же схватил собаку за ошейник, показывая, что Орвицка может гладить её сколько угодно.

- Это собака Шеффри? - спросила танцовщица. В такую холодную погоду она всё ещё приподнимала юбку, демонстрируя белоснежные ноги.

Орвицка, наклонившись, чтобы погладить собаку, сделал растерянное лицо:

- Я не знаю их имён, но помню, что среди них был человек с голубыми глазами и каштановыми волосами.

Орвицка использовал слово "человек", которое, хотя и равнозначно мужчине, в данном контексте могло быть и обобщённым понятием для людей, потому что он до сих пор не был уверен, мужчина это или женщина.

Женщина с завистью посмотрела на него:

- Шеффри - мужчина, господин. Хотя он часто переодевается в женщину, но под юбкой у него болтается кое-что другое.

- Шеффри? Красивый господин с голубыми глазами и каштановыми волосами? Похоже, вы его знаете. Не подскажите, где он выступает? - глаза Орвицки загорелись, и это не было игрой.

Женщина закатила глаза, опустила юбку и отвернулась. Зато клоун и человек, бросавший деревянные шары, понимающе улыбнулись:

- С Шеффри не так-то просто, господин. Он немного странный.

Орвицка достал ещё один золотой герб и на этот раз отдал его человеку, бросавшему деревянные шары:

- Клянусь, я просто хочу снова увидеть этого прекрасного господина.

- Можете попытать счастья на Хартмейер-стрит, господин. Мы пару дней назад там их встретили.

- Большое спасибо, господа, - он повернулся к Розенбергу. - Отведи их к моему дяде, мэру.

- ...

Когда это мэр стал твоим дядей? Розенберг, тем не менее, подыграл:

– Конечно! Сейчас же отведу их!

– Так вы племянник мэра, – глаза клоуна загорелись ещё ярче. Орвицка отдал ему золотой герб. – Это мой задаток. Пожалуйста, постарайтесь на славу у моего дяди, спасибо.

– Конечно!

Артисты были в восторге, они повернулись, чтобы собрать свои реквизиты с улицы.

– Орвицка, не... – Розенберг подошёл ближе и прошептал. Он понял, Орвицка подозревал, что убийца тоже уличный артист.

– Я пойду проверю, а ты отведи их обратно. Не забудь, чтобы мэр возместил мне двадцать пять золотых гербов.

Орвицка повернулся и остановил проезжавшую мимо наёмную карету.

Он только сейчас догадался. Эти уличные артисты были более гибкими, чем наёмники, а чтобы разузнать чужие тайны, их положение было ещё удобнее. И богатые, и бедные, нанимая их домой или просто стоя на улице, все хотели развлечься. А в весёлой атмосфере развлечений, особенно если добавить немного алкоголя, кто-то обязательно разговорится или сделает что-то не то. Никто не будет остерегаться артистов.

Хартмейер-стрит... пока карета мчалась по дороге, Орвицка заметил, что некоторые улицы ему знакомы. Именно по ним вчера вечером проезжал полицейский кортеж.

Он не велел карете въезжать на улицу, а остановился у её начала и пошёл внутрь пешком.

Через несколько десятков метров Орвицка услышал звуки флейты. Пройдя дальше, он нашёл уличных артистов, занимавших это место.

Их было четверо: силач, поднимавший огромную гирю, карлик, игравший на флейте, фокусник, показывавший трюки с картами, и старуха, гадавшая за маленьким столиком.

Худощавого красивого юноши или леди здесь не было, и раненой собаки он тоже не увидел.

– Ищете Шеффри, господин? – карлик опустил флейту и подошёл к нему.

– Я ищу того господина с голубыми глазами и каштановыми волосами, – Орвицка изобразил некоторую застенчивость.

– Тогда можете подождать в кафе напротив, Шеффри ушёл за покупками.

– Ах... – Орвицка с разочарованным видом повернулся. Через дорогу действительно было кафе, и сейчас почти все столики под зонтиками на улице были заняты.

"Такая картина была бы нормальной для Содмана, но в Хаарлеме, охваченном страхом перед оборотнем, Орвицка видел такое впервые".

Он перешёл дорогу и занял свободное место.

– Вы тоже ищете Шеффри, господин? – спросила леди слева от него, прикрывая лицо веером и

улыбаясь.

– Да, я тоже.

– Хм! – мужчина справа от него холодно фыркнул.

Леди же весело рассмеялась:

– Шеффри – такой обворожительный ангел.

– ...Да.

У ворот главного полицейского управления Хаарлема девушка в платке с корзинкой подошла к входу и сказала:

– Я принесла отцу обед.

Полицейский на входе приподнял ткань, накрывавшую корзинку. Внутри аккуратно лежали четыре сэндвича с копчёным мясом и кружка пива. Девушка послушно протянула полицейскому один сэндвич. Тот взял его, махнул рукой и пропустил её внутрь...

В это время шериф с людьми обыскивал одну из таверн и подробно допрашивал владельца, бармена, официанток и каждого пойманного посетителя.

Именно поэтому шериф осмелился обидеть Орвицку. Они по отпечатку на письме нашли это место – бар "Старая картошка".

– Голубые глаза, каштановые волосы, рост около ста шестидесяти пяти сантиметров, красивая женщина? У нас много таких женщин. Просила здесь бумагу, писала письмо? Нет, не было...

Хозяин и бармен качали головами, но тут вышла одна из официанток:

– Такой женщины не было, но был такой мужчина, – её тон был недружелюбным, а в глазах читались злость и зависть.

– Мужчина? – шериф на мгновение задумался. – Мужчина тоже подходит, кто он?

– Его зовут Шеффри! Без фамилии, он – бродячий артист, чудаков! Он со своей семьёй чудаков в последнее время выступает на Хартмейер-стрит.

Шериф бросил официантке чек на пятьдесят золотых гербов, повернулся и выбежал с людьми:

– На Хартмейер-стрит!

Через полчаса, когда шериф с улыбкой на лице вышел из кареты, первое, что он увидел, был Орвицка.

Орвицка, которому надоело сидеть среди фанатов и поклонников, вздохнул, обращаясь к шерифу:

– Поздравляю вас, шериф. Теперь вам придётся иметь дело с оборотнем, которого совершенно невозможно отследить.

Это было всё равно что разворошить крысиное гнездо и упустить самую большую крысу.

<http://bllate.org/book/17916/1715951>